

МИФ, ОБРЯД,
И РИТУАЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ
В ДРЕВНОСТИ

УДК 902:7.031.1:39

ББК 63.4+63.5

М 68

Миф, обряд и ритуальный предмет в древности.

Екатеринбург — Сургут, издательство «Магеллан», 2007. — 260 с.

ISBN 978-5-903594-03-0

Сборник представляет публикацию докладов, заслуженных на секции «Миф, обряд и ритуальный предмет в древности» II Международного Северного археологического конгресса, который состоялся в 2006 г. в Ханты-Мансийске. В статьях на основе семиотического подхода раскрывается богатый духовный мир древних обществ Евразии.

Сборник адресован как специалистам, так и читателям, интересующимся духовными ориентирами и потенциалом древних обществ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — чл.- корр. РАН С. А. Арутюнов,
к. и. н. В. Д. Викторова, В. Ф. Кернер

Ответственный редактор — к. и. н. А. Я. Труфанов

Техническое редактирование иллюстративного ряда:
М. Л. Попадкин, А. В. Попадкина, А. Я. Труфанов

Издание осуществлено при финансовой поддержке
ООО «Гипербorea» и ООО НПЦ «Югра-Терра»

© Институт истории и археологии УрО РАН
© Коллектив авторов

ISBN 978-5-903594-03-0

С. А. АРУТЮНОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цели и задачи археологии можно сформулировать просто и общепонятно, ибо они сами по себе достаточно просты: узнать, кто жил до нас там, где мы живем сегодня, сотни, тысячи, десятки тысяч лет тому назад; как жили эти люди, что составляло их заботы, какой мир окружал их и как они видели свои отношения с этим миром. Последнее предполагает нашу заинтересованность и в том, каковы были их обычай и ритуалы.

О ныне живущих людях узнать все это можно от них самих — расспросами, беседами, наблюдением, прямым участием в их жизни. Именно этим и занимаются этнографы. Но люди прошлого молчат. Молчат их погребения, их останки, следы их жилищ, молчат дошедшие до нас их предметы.

Но действительно ли они молчат? Или все же они говорят, и говорят достаточно красноречиво, но мы просто не понимаем их языка? И есть ли способы научиться его понимать? Размышлениям об этом и конкретным попыткам услышать рассказы археологических находок, прочесть заложенную в них информацию и посвящена эта книга.

Археологический предмет всегда содержит в себе массу информации. Но эта информация несловесная. Чтобы озвучить ее, как правило, необходимо сопоставить археологический «бессловесный» артефакт с некоторой собственно словесной информацией. Последняя бывает двойкой. В особо благоприятных случаях удается найти относительно близкий по месту и времени происхождения древнеписьменный источник, способный пролить некоторый свет на значение и функции археологической находки. Но это удается нечасто. Большинство настоятельно нуждающихся в информационной интерпретации археологических памятников относится к сугубо бесписьменным культурам и периодам, и в этих случаях бесценную помощь оказывают этнографические, фольклорные материалы.

Использование фольклорных источников для объяснения археологических памятников имеет давнюю историю. Так, около полувека тому назад этот метод с успехом был применен А. П. Окладниковым и В. Д. Запорожской при исследовании Ленских писаниц [1959]. Привлечение фольклорных материалов для объяснения наскальных изображений Карелии было положено в основу работы К. Д. Лаушкина «Онежское святилище» [1962]. Как образно писал Лаушкин, «...подобно тому, как расшифровываются письмена, сделанные на давно забытом языке, при помощи так называемой двуязычной надписи, так, очевидно, нужно поступать и с древними рисунками. Нужно найти, фигурально выражаясь, двуязычную надпись. Таковой в нашем случае будет составленная исследователем комбинация из древнего рисунка и дошедшего до наших дней мифологического рассказа, если тот и другой передают один и тот же сюжет лишь разными художественными средствами» [Лаушкин, 1962. – С. 222].

Конечно, это особая удача, когда сходный по сюжету миф удается найти на территории, близкой к находке археологического предмета. Об этническом соответствии всегда можно говорить, даже при явной культурной преемственности, лишь очень предположительно, так как без находки письменных памятников языковая принадлежность древнего населения надежно установлена быть в принципе не может. Но, учитывая широкую, практически глобальную распространенность и архетипичность большинства мифологических сюжетов, допустимо привлечение в качестве «билингвы» фольклорных данных, даже весьма удаленных во времени и пространстве от археологической находки. Можно сказать, что практически любой близкий к современности мифологический сюжет может быть привлечен к интерпретации изобразительного или ритуального инвентаря палеолита. Иногда это более оправданные аналоги (см. Руденко, 1947. – С. 12 — в применении к женским скульптурным изображениям), иногда менее, но категорически отвергнутым сопоставление почти никогда не может быть. Лишь количественное накопление новых аналогичных данных повышает вероятность одних сопоставлений и снижает вероятность других. Когда памятник древней письменности имеется в единственном экземпляре, как, например, знаменитый «Фестский диск», тогда более или менее одинаково правомерны (с правомерностью, приближающейся к нулю) практически любые варианты его прочтения, на какие бы параллели они ни опирались. Сходным образом можно оцени-

вать и информативность столь же знаменитого изображения «колдуна» из грота Труа-Фрер. Но если будут найдены еще один-два аналогичных диска или, соответственно, одно-два схожих палеолитических изображения, это существенно повысит вероятность одних интерпретаций и снизит вероятность других.

Существенным прорывом в интерпретации языка древней изобразительности явилась разработка явления полизйонизма (см. напр. *Фрадкин, 1969*). Конечно, смысловая расшифровка оббитых и ретушированных каменных фигурок зачастую не может не быть субъективна и гадательна, но когда мы находим скульптурно-гравированные изображения с четко опознаваемыми деталями, мифологическое прочтение полизйонических изображений становится гораздо более надежным.

Если в небольшом, но сложном древнеэскимосском амулете мы видим четко распознаваемое совмещение голов волка и касатки, то вряд ли может быть сомнение в том, что здесь отражено известное еще в начале XX в. поверье, что изобилующие летом в море касатки зимой воплощаются в волков (которых летом эскимосы практически не видят). А если рядом на этом же предмете поворот ракурса превращает голову моржа в голову снежного барана, то логично предположить о бытовавших некогда представлениях о перевоплощении этих животных, хотя такая мифологема этнографически не зафиксирована.

На примере работы В. Е. Ларичева «Скульптура черепахи с поселения Малая Сыя» [1978. – С. 32–69] можно видеть, как много можно «вычитать» из единичной уникальной находки, а, может быть, если посмотреть на нее скептически, то и «вчитать» в нее изыски собственной фантазии. Анализ или фантастическое построение? Ответ на подобные вопросы может быть дан только по мере накопления фактического материала. И мне представляется, что основное значение предлагаемого вниманию читателя сборника именно в том и состоит, что он показывает, как много уже накоплено в нашей науке этого фактического материала, и что от во многом субъективных и интуитивно-гадательных интерпретаций, характерных для ряда упомянутых мною в этом предисловии работ, относящихся к периоду 30, а то и 40 летней давности, мы переходим к гораздо более надежным и обоснованным анализам и обобщениям, базирующимся на гораздо более обширном, повторяющемся и взаимодополняющемся материале, все более подкрепляемом новой, более совершенной методикой и данными точных наук.

И, тем не менее, вопрос о «вычитывании» и «вчитывании» информации сохраняется. Вполне однозначного ответа на этот вопрос — о различении между объективной реальностью, стоящей за археологическим предметом, и его более или менее субъективным истолкованием в сознании исследователя, по-видимому, быть не может. Но частичное снятие этого противоречия возможно, и в поисках его мы вновь обратимся к тому, с чего начали это «Предисловие», а именно — к параллели между материальным объектом и языковым текстом.

Любой текст естественного языка, попавший в руки лингвиста, знатока данного языка, может быть компетентно разложен на фонемы, лексемы, морфемы, трактован в рамках присущих этому языку синтагм и парадигм. С европейскими языками, в частности, с русским, различия в результатах анализа между учеными разных школ в определенных частностях будут встречаться, но относительно небольшие, так как основные аналитические категории у всех исследователей будут одни и те же.

Однако со многими восточными языками, у носителей которых есть свои собственные грамматические традиции, дело будет обстоять далеко не так просто. В японском тексте европейский исследователь довольно легко выделит существительные, прилагательные, глаголы, падежи и соответствующие им падежные суффиксы и так далее. Но японский ученый, мыслящий в рамках традиционной японской грамматики, эти категории употреблять не станет. Он выделит тайгэны, ёгэны, тэниоха, причем в тайгэны попадут не только существительные, а в ёгэны попадут и глаголы, и прилагательные, и кое-что еще, да и тэниоха при операциях с ними вовсе не будут однозначно соответствовать падежным частицам в понимании европейского исследователя. Понять друг друга им будет довольно трудно.

Но самое главное, что ни того, ни другого не поймет, да и не захочет понимать простой, не слишком грамотный японец, не обучавшийся специально грамматике. Это, однако, не помешает ему не только абсолютно верно расставить в фразе все тэниоха (какого слова он скорее всего и не знает), но и безукоризненно надстроить одну над другой все сложнейшие формы японского спряжения. Вот только почему он выстраивает их так, а не иначе, объяснить он не сумеет.

Точно так же вряд ли деревенский гончар сумеет объяснить этнографу, что означают орнаменты, которые он наносит на свои горшки, а шаман не растолкует, почему дым можжевельника «очищает» окуриваемые предметы, а дым багульника не очищает. «Солярный знак» — это слова этнографа, а не гончара, хотя круг с точкой во всем мире архетипически обозначает и глаз, и солнце, во многих языках солнце называлось «глазом неба», да и дым можжевельника священен почти повсюду, где можжевельник растет. Тем более неолитический гончар был бы крайне удивлен, услышав наши рассуждения о его изделиях. К несчастью, а, может быть, и к счастью, он нас не услышит, да и мы не услышим его, хотя орнамент на горшках мы трактуем и будем трактовать. Впрочем, как мы помним, г-н Журден был тоже очень удивлен, узнав, что всю жизнь говорил не иначе как прозой. Тем не менее, г-н Мольер в этом отношении, как и во многих других, был совершенно прав.

Литература

- Ларичев В. Е., 1978.* Скульптура черепахи с поселения Малая Сыя // У истоков Творчества. Первобытное искусство. — Новосибирск.
- Лаукин К. Д., 1962.* Онежское святилище // Скандинавский сборник. — Таллин. — № 5.
- Окладников А. П., Запорожская В. Д., 1959.* Ленские писаницы. Наскальные рисунки у деревни Шишконо. — М.—Л.
- Руденко С. И., 1947.* Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. — М.—Л.
- Фрадкин Э. Е., 1969.* Полиэйконическая скульптура из верхнепалеолитической стоянки Костенки // СЭ. — № 1.

С. А. АРУТЮНОВ
Институт антропологии и этнологии
им. Миклухо-Маклая РАН, Москва

БРОСОК ГАРПУНА КАК ПРЫЖОК МЕДВЕДЯ

В статье рассматривается идеология поворотного гарпуна как основы морской охотничьей экономики древнеберингоморских эскимосов, обитающих в сложной ледовой обстановке Чукотского моря и Берингова пролива. Не будет преувеличением сказать, что именно поворотный гарпун был той производственной базой, той основой, на которой виждилась вся эскимосская экономика и вообще вся эскимосская культура и жизнедеятельность.

Наконечники поворотных гарпунов уже давно привлекли к себе внимание исследователей. Это и не удивительно, так как типология и конструктивные особенности наконечников гарпунов легли в основу датировки и периодизации древних эскимосских культур.

Неповоротный гарпун — это, по сути, наконечник остроги, но легко отделяющийся от древка. Просто на остроге ни крупную рыбину, ни тем более тюленя не удержать. К застрявшему в спине добычи гарпуну привязан линь, а на другом конце линя — или лодка с охотником, или поплавок, и добыче уже некуда деться. За ней можно следовать, вымотать, обессилить, обескровить, добить и добыть. Что охотник и делает.

Однако неповоротный гарпун имеет ряд недостатков, в силу которых стать основой добывающей экономики не может. Его применяют в мире широко, но в основном на реках или недалеко от берега, на открытой воде, в подсобном, по отношению к другим занятиям, промысле. Специализированный морской охотник, тем более охотящийся среди льдов, нуждается в более надежном, можно сказать, всесильном поворотном гарпуне.

Наиболее полно древние эскимосские культуры — до начала раскопок М. Г. Левина в Уэлене и Эквене — были представлены в раскопках Г. Коллинза на острове Св. Лаврентия. Здесь на пяти стоянках, помимо различного археологического материала, было найдено 417 наконечников поворотного гарпуна. Г. Коллинз подразделил их на 36 различных типов. Пытаясь показать эволюционное развитие наконечников гарпунов (с открытым гнездом), он разделил их по определенным хронологическим этапам:

Это, прежде всего, древнеберингоморская культура, сочетающая в себе элементы древнеберингоморья и раннего пунука ранний пунук, поздний пунук,protoисторическая культура и современная. Что касается культуры ипиутак, то, в отличие от перечисленных выше культур, она, как и культура дорсет, отнесена исследователями к палеоэскимосским культурам. Х. Ларсен и Ф. Рейни в 1948 году опубликовали монографию о раскопках Ипиутакской стоянки, которая была открыта ими вместе с Дж. Гиддингсом в 1939 году на мысе Хоп. Анализ на C^{14} роговых наконечников стрел из Ипиутака дает дату 200 лет до н. э. Типология наконечников гарпунов, предложенная Х. Ларсеном и Ф. Рейни, относится исключительно к ипиутак-ской культуре. Типологическая характеристика, предложенная Ф. Рейни для культуры оквик, тоже носит локальный характер.

Наконечники поворотных гарпунов, предназначенные для охоты на тюленей и моржей, известны нам на Чукотке с древнеберингоморско-оквикского времени. В результате многовекового опыта эскимосы научились использовать для питания продукцию моржового промысла в самых разнообразных формах, как в свежем виде, так и в заготовленном впрок на всю долгую зиму. Добыча моржей и/или тюленей обеспечивала эскимосов всем необходимым — не только пищей, но и одеждой, жилищем, отоплением/освещением и многим другим. Естественно, что эскимос смотрел на своего кормильца — свой гарпун — с почтением и благоговением.

В эволюционном ряду гарпунных наконечников нам представляется исходной плоская форма наконечника с боковыми кремневыми вкладышами. В ней мы видим продолжение верхнепалеолитических и мезолитических традиций микролитических вкладышевых орудий — наконечников копий и ножей. Следует отметить, что ножи и копья, как со сплошным режущим краем, так и костяные пики с отдельными, удаленными друг от друга вкладышами, продолжали бытовать на древнеберингоморской стадии. В более раннее время использование таких пик при поколке моржей на лежбищах могло отразиться на технике оформления поворотного гарпуна с боковыми вкладышами.

Следующей ступенью эволюции явилось расположение вкладышей в плоскости, параллельной отверстию для линя, что улучшило боевые качества гарпуна, обеспечивало более надежное проникновение его в тело животного.

Случайные поломки базальной шпоры, при которых наконечник можно использовать с одним отверстием вместо двух, породили новые формы наконечников, от которых уже намечается переход к наконечникам с закрытым гнездом.

Наконец, по аналогии с наконечником дротика или стрелы, наконечники гарпунов стали оснащаться не только боковыми вкладышами, но и концевыми кольцами.

Другая линия эволюции восходит к бородчатым наконечникам острог и неповоротных гарпунов. Объединение конструктивных элементов бородчатого неповоротного гарпуна и древнеберингоморского поворотного гарпуна с боковыми вкладышами привело к созданию типа наконечника, характерного для более поздней древнеэскимосской бирнирской культуры (примерно, VII в. н. э.).

Важно отметить, что на севере Тихого океана поворотные наконечники гарпунов получили распространение только там, где море позволяет охоту на плаву, среди льдов, то есть периодически бывает покрыто плавучим льдом. Это — Чукотка, Охотское побережье, Сахалин и Северное Хоккайдо. Там, где плавучего льда практически нет (например, на Алеутских островах), или там, где лед образует сплошные поля, и охота возможна только у узких лунок-отдушин (в высоких широтах побережья Ледовитого океана), поворотные гарпуны не получили широкого распространения. Там употреблялись либо древние формы неповоротных гарпунов, либо близкие к ним бирнирские формы.

Применение поворотного гарпуна в районах с плавучим льдом или же полыньями объясняется тем, что при охоте у кромки или среди плавучих льдов загарпуненное животное стремится уйти под лед. Естественно, что торчавший из его тела базальный конец неповоротного гарпуна с прикрепленным линем легко мог быть сломан о подводную часть льдины. В этих условиях был необходим только поворотный наконечник, глубоко закреплявшийся в тканях животного, от которого на поверхности тела оставался лишь гибкий линь.

Уже в древнеберингоморское время, наряду с наконечниками гарпунов с открытым гнездом, для колка употреблялись наконечники с закрытым гнездом и концевым кольцом. Наконечники гарпунов со сложной асимметричной шпорой, характерной для оквикского типа, являются, как нам кажется, поисковым вариантом улучшения конструкции поворотного гарпуна в рамках большой древнеберингоморской эпохи.

Вопрос о том, чем объяснить длительное сосуществование форм наконечников, возникших разновременно, решается при статистическом анализе их распространения, отражающего экологические нюансы акватории Берингоморья.

Древние жители Берингоморья использовали для промысла различные типы поворотных гарпунов, пока не выработали окончательный вариант «пулевидного» поворотного гарпуна с закрытым гнездом, концевым кольцом и одним отверстием для линя (рис. 1 – 1–3), т. е. тот тип поворотного гарпуна, который применяется и в наши дни. На исходе пунукской эпохи, уже во время, непосредственно предшествующее первым контактам с русскими, этот тип стал практически единственным и постепенно вовсе лишился орнамента, хотя и далеко не сразу. Все предыдущие типы, как правило, покрывались орнаментом той или иной степени сложности и изощренности.

Понятно то тщание, с которым древние мастера обрабатывали наконечники, как много они с ними экспериментировали, каким тщательным орнаментом они их покрывали. Орнамент этот трудно расшиф-

ровать. Преимущественно он геометрический, и вполне возможно, что, помимо магических целей он еще служил как бы своего рода проверочным средством, чтобы удостовериться, что сделанный гарпун действительно соответствует по своим пропорциям тому образцу, которому надлежало следовать. Диспропорциональный гарпун просто не позволил бы разместить на себе симметричный и сбалансированный орнамент. Не случайно экспериментальные, необычные формы гарпуны, как правило, орнамента лишены.

В этом орнаменте, помимо абстрактных композиций и символов, иногда читаются отдаленно зооморфные, а иногда и более реалистические зооморфные мотивы. Конечно, всевозможные круги, круги с точкой, симметрично расположенные, можно трактовать как глаза, сам гарпун со щелью впереди для концевого копьца — как морду животного. В асимметричном гарпуне концевая шпора иногда отчетливо оформляется как ласт какого-то водного животного, а симметричные гарпуны, то есть гарпуны с открытым гнездом и симметричной базальной шпорой, своей задней частью явно производят впечатление задней части тела ластоногого животного — тюленя с ластами-ногами и с коротким острым хвостиком. Но откровенная зооморфность в наибольшей степени присуща головке древка гарпуна.

Колок — деталь небольшая и орнаментировалась редко. Там, собственно говоря, сложный орнамент просто негде расположить. Все-таки иногда встречаются орнаментированные колки, но это скорее исключение. Головка же древка гарпуна, за исключением самых поздних этапов эскимосской истории, неизменно орнаментировалась. При этом орнамент был всегда явно зооморфным и при всей абстрактной стилизации достаточно хорошо читается (рис. 1 – 4, 5; 2).

В Уэленском могильнике обнаружена головка древка гарпуна, которая позволяет нам «прочесть», можно сказать, все остальные его части. Передняя часть ее оформлена в виде чрезвычайно реалистично выполненной головы белого медведя — с глазами, ушами, хорошо профицированной мордой, а главное, четко выраженнымными большими клыками, между которыми и находится отверстие, куда вставляется колок. Поэтому представляется несомненным, что оформленный таким образом гарпунный комплекс как бы изображал белого медведя. Это логично, поскольку охотник сам уподоблялся хищному зверю, преследуя ластоногих, а когда он кидал гарпун или гарпун поражал животное, то тем самым сущность медведя-хищника как бы отделялась от сущности охотника, и сам гарпун представлял собою некое одушевленное подобие хищника — медведя, который кусал и хватал преследуемое животное. В других головках древков тоже можно легко угадать медвежью морду. Но в большинстве случаев она гораздо более стилизована, однако всегда присутствуют треугольные большие клыки по бокам головки, даже если другие части морды намечены очень абстрагировано и схематически. И, наконец, есть грубо сделанные головки, на которых мало орнамента. В этом орнаменте зооморфность вообще прочесть было бы невозможно, если бы не клыки, грубо прорисованные, просто как некий иерогlyph — два треугольника друг против друга. Клыки «читаются» совершенно ясно, и поэтому позволяют понять, что и такая, очень грубо выполненная головка древка, тоже мыслилась как медвежья голова. То есть, вместо того, чтобы изображать на головке древка голову медведя, достаточно было изобразить два клыка, и тем самым, глядя на головку, мы «читаем»: медведь.

Но если головка древка — это голова медведя, то, значит, мы должны искать остальное тело. Но тело мы, пожалуй, не найдем. Дальше следует деревянное более или менее длинное древко. В случае, если древко на противоположном, базальном конце снабжено крылатым предметом, то оно довольно короткое, если там не крылатый предмет, а пешня, то оно гораздо более длинное, но, так или иначе, признаков тела на нем мы не находим. И мне представляется, что для эскимосского охотника древко гарпуна отождествлялось не с телом медведя, а с вытянутой вперед длинной шеей зверя. Кстати сказать, в скульптурных изображениях можно видеть медведей с шеей нормальной длины (рис. 3 – 1), но чаще все-таки встречаются медведи с неестественно длинной шеей (рис. 3 – 2). И, надо сказать, что и в устном фольклоре эскимосов среди признаков, которые характеризуют магического медведя, медведя-оборотня, медведя, обладающего сверхъестественными способностями, в отличие от обычных медведей, одним из признаков является именно очень длинная шея.

Что касается крылатого предмета, который располагался в задней части древка и служил утяжелителем, балансиром, противовесом, а также, обладая определенными аэродинамическими качествами,

Рис. 1. Наконечники и головки древков гарпунов.
1–3 – наконечники гарпунов; 4 – головка древка гарпуна с изображением
стилизованных клыков; 5 – головка древка гарпуна с изображением клыков медведя

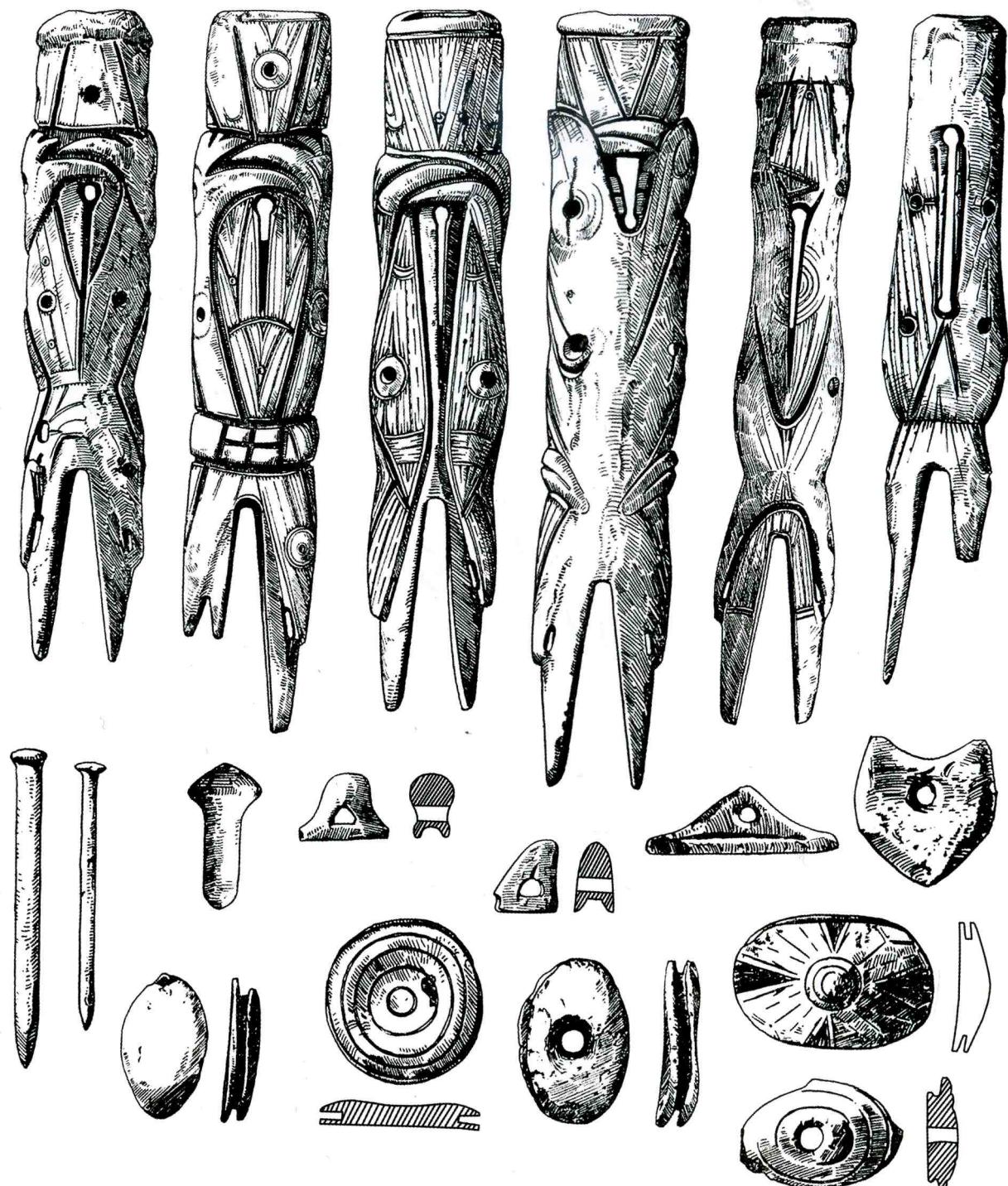

Рис. 2. Головки древков гарпунов, в т. ч. с реалистическим изображением головы медведя

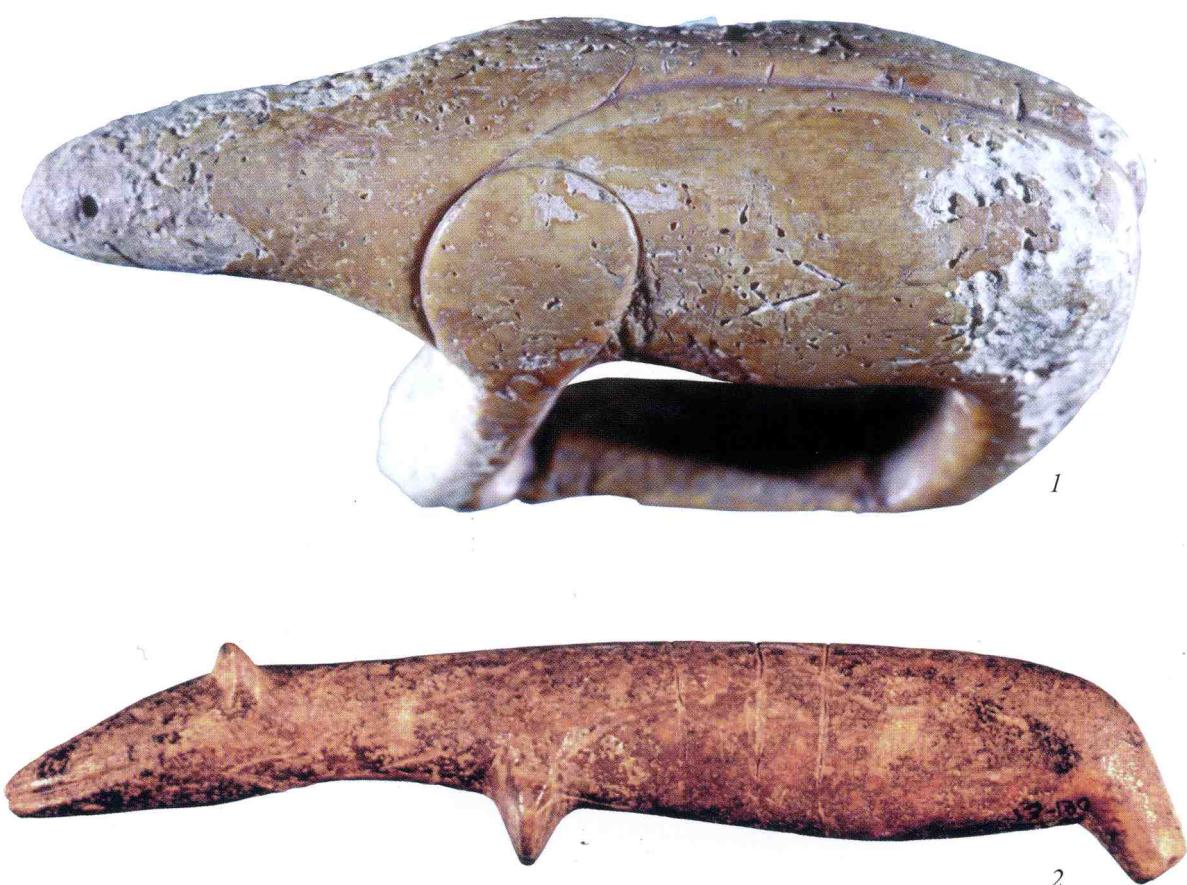

Рис. 3. Скульптурные изображения медведя.
1 – изображение обычного медведя; 2 – изображение магического медведя с длинной шеей

стабилизатором гарпуна в полете — его обычно сравнивают с бабочкой (и даже пытались истолковать как образ бабочки). Но сейчас понятно, что это никакая не бабочка. На крыльях предмета часто изображаются стилизованные морды различных существ — не всегда можно понять, каких, вполне возможно, тоже медведей или хищных моржей, или других хищников. В центральной части крылатого предмета изображается часто многофигурная полизйоническая композиция или просто изображение личины, или звериной морды, или деформированного человеческого лица, или какая-то сложная композиция, одновременно имеющая и антропоморфные, и зооморфные черты (рис. 4). В общем и целом, весь крылатый предмет в какой-то мере напоминает Таотье — один из основных мотивов, наряду с драконом и черепахой, в орнаментации древнекитайской бронзы.

Таотье — это некое мифическое чудовище. Мы не знаем его реального фольклорного содержания — оно до нас не дошло, но характерно, что два очень сложных китайских иероглифа, которыми это слово записывается и которые в остальной лексике китайского языка не присутствуют, имеют ключ 184, расположенный в нижней части — детерминатив «есть», «пожирать». Таким образом, таотье — это в любом случае существо пожирающее. Если весь гарпун — это медведь, хищник, существо кусающее и пожирающее, то вполне возможно, что его заколдованная, магическая душа, которая должна придавать ему сверхъестественные свойства, — образ некоего чудовища, духа, которому тоже присущи «пожирающие» функции.

Свою вводившую в заблуждение первых исследователей «бабочковидность» крылатый предмет приобрел не сразу. И наиболее похожи на бабочку именно самые поздние образцы этой детали гарпунного комплекса, относящиеся уже к эпохе, переходной к пунку. В этих крылатых предметах уже отчетливо читается будущая стадия, на которой предмет потеряет свои крылья и превратится в так называемый «пунукский трезубец», а еще позже уже даже не трезубое, а просто более или менее прямоугольное изделие, служившее насадкой на задний конец гарпуна, но сохранившее бороздку-прорезь для упора зуба копьеметалки. Эта прорезь и позволяет нам однозначно идентифицировать назначение и местоположение всех этих предметов — как собственно крылатых, так и трезубцев, и прямоугольных или цилиндрических насадок позднего пунку как насадок на задний конец гарпунного древка. В любом случае они технологически необходимы, если метание гарпуна осуществляется с помощью копьеметалки.

Все эти базальные насадки на тыльную часть древка гарпуна имеют весьма разнообразную форму. Но основная их функция одна и та же: это удержание древка на копьеметалке, его запуск с помощью зуба-крючка копьеметалки в полет, в котором гарпун обретает свою самостоятельную жизнь как одушевленный хищник, поражая добычу — тюленя, моржа или кита. Можно утверждать, что средоточие души гарпуна, обретающего жизнь самостоятельного хищника, как раз и находится в этой насадке.

Если мы рассмотрим наиболее архаичные, наиболее ранние из крылатых предметов раннеоквикского времени, то увидим, что они весьма просты. Они даже не орнаментированы или почти не орнаментированы, небольшие по величине. Но их форма чрезвычайно напоминает одну анатомическую деталь — шейный позвонок, и не просто шейный позвонок (в шейном отделе позвоночного столба семь позвонков), а главный, выполняющий основную, держащую функцию по отношению к голове и, соответственно этому называемый в анатомии атлантом (рис. 5). Что такое атлант с точки зрения магического или духовного осмысления тела животного, да, впрочем, и человека тоже? Человек и зверь, между которыми, по эскимосскому мировоззрению, нет принципиальной разницы, имеют общие свойства. Они легко могут перевоплощаться друг в друга — разные звери в человека и человек в разных зверей. Они имеют одну и ту же структуру, которую эскимосы, великолепно знающие анатомию млекопитающих, очень четко себе представляют. Основными, узловыми точками анатомической структуры являются суставные сочленения, и когда разделяется туша, особое внимание уделяется тому, чтобы кости не были повреждены: туша разделяется строго по суставным сочленениям. Хорошо разделанная туша без особых усилий распадается и разрезается на части именно потому, что умело надрезаны суставные сочленения.

Человек и зверь имеют не одну душу, а несколько, и местопребывание разных душ как раз находится, как считают эскимосы, в суставных сочленениях. Главная, основная, господствующая душа живого существа обитает именно в главном шейном позвонке — в атланте. На многих зооморфных скульптурах

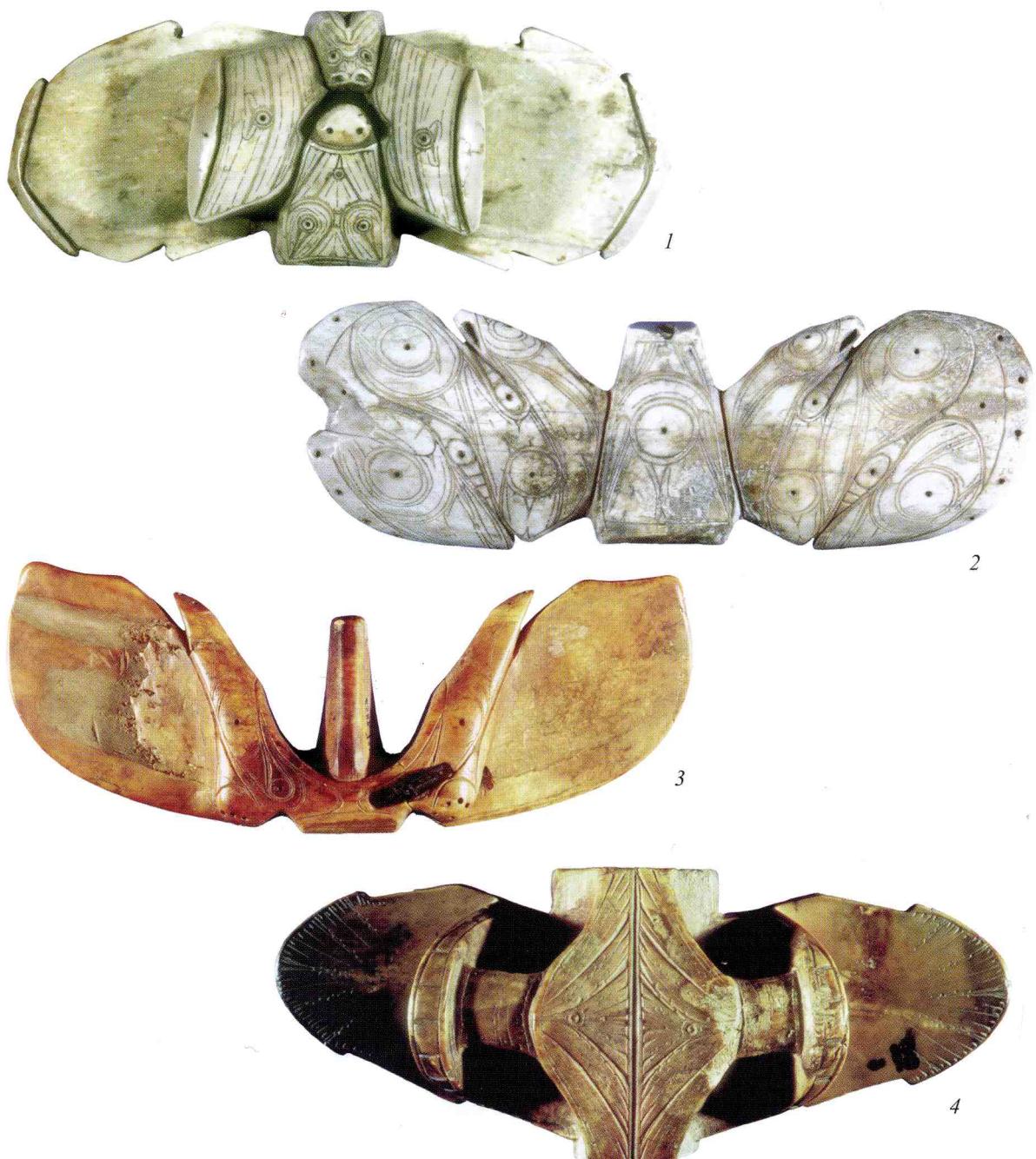

Рис. 4. Крылатые предметы.

1 – крылатый предмет с изображением ряда антропо-зоо-териоморфных личин; 2 – крылатый предмет, демонстрирующий зарождение форм, позднее превратившихся в пунукский трезубец; 3 – крылатый предмет: контуры будущего трезубца явно обозначились; 4 – классическая форма крылатого предмета, вершина его развития

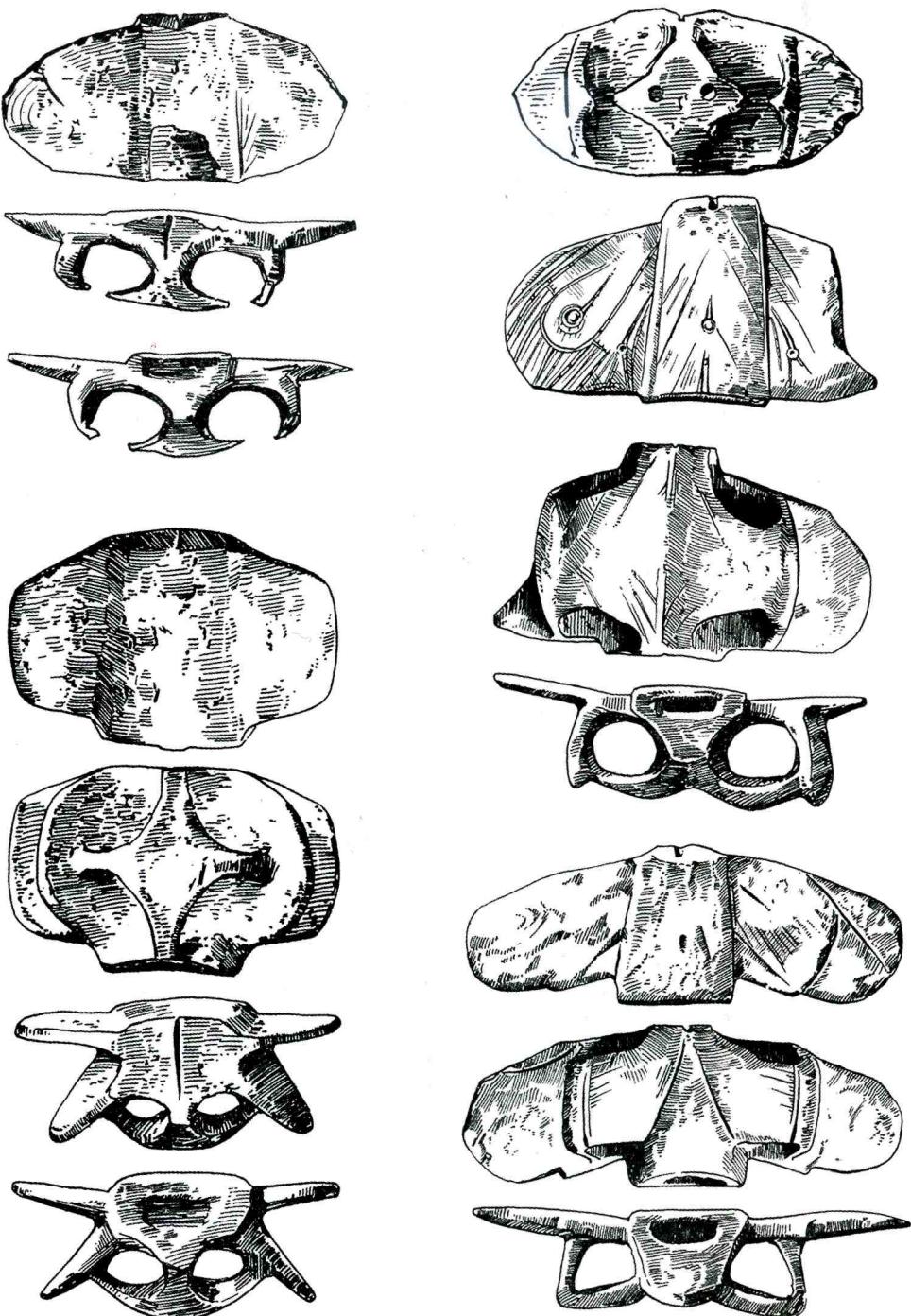

Рис. 5. Крылатые предметы, в т. ч. имитирующие форму позвонка

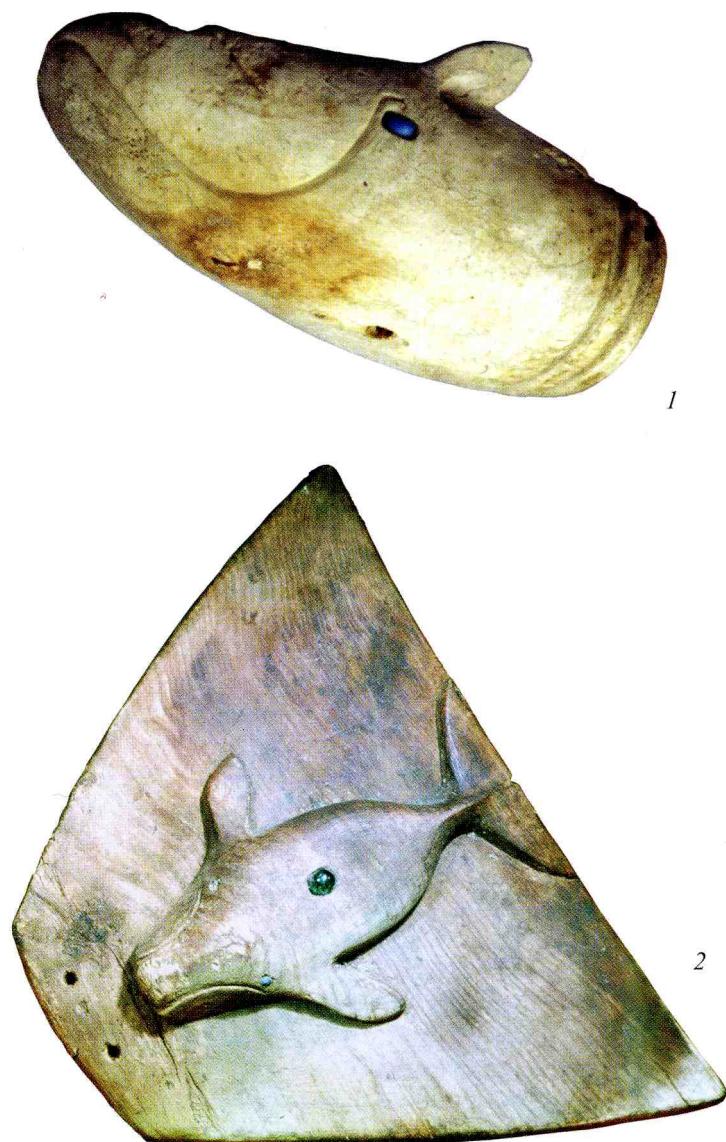

Рис. 6. Изображение китов.

1 – изображение головы кита (китовая кость), глаза обозначены бусинами, более крупная бусина, отмечавшая душу кита, утеряна; 2 – изображение кита (дерево): крупная бусина отмечает душу кита

позвонки и суставы часто выделены особыми значками. В западно-гренландской, и вообще в гренландской скульптуре, это крестообразные насечки. В традиции эскимосов Берингова пролива можно видеть изображения китов из кости, где маленькими бусинами обозначены глаза, а большой бусиной — сакральное место сзади черепа (рис. 6). Шеи у кита, естественно, нет, но сочленение шейных позвонков с черепом имеется, и именно это сочленение и воспринималось как душа кита. Есть еще и практическая сторона в этом возврении, когда стреляют или гарпунят по первому разу моржа или крупного тюленя-лахтака, стремятся попасть ему в шею непосредственно позади черепа. Считается, что такое ранение наиболее эффективно. Больше, чем какое-либо другое ранение, оно помешает животному нырять, сильнее его ослабит, заставит дольше держаться на поверхности воды, и, таким образом, подставиться под новые выстрелы или удары дротиками или гарпунами. В то же время это ранение не смертельно, оно и не должно быть таковым, потому что смертельно раненный зверь, как правило, немедленно тонет и, таким образом, пропадает для охотника. Вот поразить основную душу тела, пока в нем сохраняются еще другие души, — это и значит поразить зверя в шею.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что крылатый предмет, равно как и более поздние базальные насадки, имел большое магическое значение. В нем находилась душа гарпуна, поражающего зверя. Надо отметить, что в современном языке берингоморских эскимосов имеются слова, обозначающие крылатый предмет. Эти предметы им достаточно хорошо известны, хотя уже, наверное, более тысячи лет они не изготавляются. Тем не менее случайно найденные стариинные предметы высоко ценятся в качестве амулетов. Об этом писал Дориан Сергеев, который, базируясь на современных эскимосских представлениях, ошибочно определял крылатый предмет в качестве стягивающего стрингеры байдары или каяка. О предназначении крылатого предмета было очень много довольно фантастических гипотез, высказанных, в частности, Н. Н. Диковым и другими авторами. В дальнейшем находки предметов *in situ* четко показали, что правильной была первоначальная точка зрения Генри Коллинза, который определил крылатый предмет как, скорее всего, насадку на тыловую, базальную часть гарпунного древка.

Коль скоро крылатый предмет является душой летящего гарпуна, становится понятной и традиция изображения на нем различных хищных животных и фантастических полуантропоморфных-полузооморфных духов-помощников.

Д. Сергеев приводит ряд слов, которыми современные берингоморские эскимосы обозначают крылатый предмет. Одно из них — *нанэкытак*, которое связывается со словом *нанэк*, обозначающим иносовую часть байдары и лампу-жирник. Одно не исключает другого: действительно, в дальних походах лампа-жирник могла размещаться в носовой части байдары. Точно также сейчас там часто ставят примус, на котором во время дальнего похода кипятят на ходу чай. Жировая лампа на байдаре могла и не иметь такого витального назначения, но связь этих слов несомненна. Однако гораздо более интересным, продуктивным для нашего рассмотрения является другое слово, обозначающее крылатый предмет и сохранившееся, по традиции, в языке современных берингоморских эскимосов. Это слово *уякугмиток*, от *уякуг* — шея. Буквально оно может быть переведено как «держащий шею» или «стягивающий шею», что, соответственно, вполне логично для обозначения позвонка атланта.

Таким образом, безотносительно к тому, какие орнаменты имеются на крылатом предмете, и на головке древка гарпуна, и на самом наконечнике гарпуна, или даже если они отсутствуют, все равно в этих частях гарпуна в зашифрованном виде содержится мифологическая информация — представление о гарпуне, гарпунном комплексе как самостоятельном хищнике, поражающем добычу.

Литература

- Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1969. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). — М.
Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1975. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). — М.
Васильев Л. С., 1970. Культы, религии, традиции в Китае. — М. С. 78-86.

S. A. Arutiunov
THE FLYING HARPOON AS A LEAPING BEAR

In my paper I try to demonstrate that a harpoon socket piece at least in the OBS culture invariably used to represent the head or the mow of a polar bear. In some cases the socket pieces are sculptured quite realistically as a bear's head. More often, however, according the "pars pro toto" metaphore, the bear's head is represented by a pair of fangs, sometimes reduced to a pair of opposed triangles.

Hence, a harpoon head was understood as the bite of a predator grasping it's catch – a seal or a walrus. Thus, while the frontal part of a harpoon incarnates a predator's mow and bite, then the main soul of the harpoon must be sought for no in the jaws, neither in the head of the predator, but as it is the rule in the Eskimo mythological anatomy in the first neck vertebra, i.e. atlas. And indeed the most archaic forms of winged objects strikingly resemble an atlas. One of the names for the winged object in the modern Yukhtun (Yupik) language is "uyakughmitoq", literally "keeping the neck", that fits well with the image of atlas. Therefore the analogue of the atlas as the seat of the main soul of any animal is contained in the winged object positioned in the rear part of the harpoon shaft. In this way mechanically the winged object is a counterweight or a stabilizer that aerodynamically directs the flight of a harpoon and gives it the impetus while ideologically it is the soul that both magically and rationally directs its leap and provides the force to attack the catch. Zoomorphic and quasi-anthropomorphic images on the winged object are manifestations of this complex soul which is crucial to enable the whole of a harpoon to jump on the hunted animal and to deliver to it the fatal bite.